

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

*Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 141–147.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 1 (78). P. 141–147.*

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.54398/1818510X_2024_1_141

ТРАНСФОРМАЦИИ МАССОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНЫМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Авдеенко Евгения Викторовна

Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия
jjaane@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5224-3149>

Аннотация. В современном социогуманитарном дискурсе накоплен значительный корпус знаний о манипуляции сознанием, с одной стороны, и социальных трансформациях, детерминируемых цифровизацией, – с другой. Рассматриваются особенности социально философского развития в эпоху постмодерна. Автор статьи ставит своей целью эксплицировать явления генезиса манипуляции общественным сознанием в связи со сменой технологической, экономической, социальной и философской парадигмы. Настоящая статья эксплицирует особенности передачи и интериоризации информации в качестве характеристик массовой манипуляции социальным поведением, изучает развитие технологий массовой манипуляции в контексте динамики преобразований способов передачи информации. Постмодерн и информатизация – детерминанты точки бифуркации развития стратегии массовой манипуляции. Цифровизация обеспечивает быстрый доступ к любому контенту. Виртуализация демонтирует объективность как критерий реальности, теперь информация создаёт истины, а не наоборот. Гуманизация современного общества создаёт предпосылки для предпочтительного использования «мягкой силы» в противовес прямому принуждению. В статье также рассматриваются социально-психологические особенности сознания и мышления человека, которые облегчают процесс погружения его в содержательную ткань массовой манипуляции. В качестве основы этого процесса рассматривается базовая потребность в безопасности, которая проявляется в определённых психических явлениях. Предлагаются к рассмотрению способы индивидуального противостояния массовым манипуляциям.

Ключевые слова: массовая манипуляция социальным поведением, технологии социальной манипуляции, современное общество, постмодерн, глобализация, информатизация, цифровизация, виртуализация, конформность, потребность в безопасности, Система 1, Система 2

Для цитирования: Авдеенко Е. В. Трансформации массовой манипуляции социальным и политическим поведением в современном обществе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 141–147. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_141.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

TRANSFORMATIONS OF MASS MANIPULATION OF SOCIAL AND POLITICAL BEHAVIOR IN MODERN SOCIETY

Evgeniia V. Avdeenko

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia
jjaane@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5224-3149>

Abstract. In modern socio-humanitarian discourse there has been accumulated a significant knowledge about the manipulation of consciousness, on the one hand, and social transformations determined by digitalization, on the other. There're considered features of socio-philosophical development in the postmodern era. The author of the article aim to explicate the phenomena of the

genesis of the manipulation of public consciousness in connection with the change of the technological, economic, social and philosophical paradigm. This article explicates the features of the transmission and internalization of information as characteristics of the mass manipulation of social behavior. It studies the development of technologies of mass manipulation in the context of the dynamics of transformations in the ways of transmitting information. Postmodern and informatization are the determinants of the bifurcation point in the development of the strategy of mass manipulation. Digitization provides quick access to any content. Virtualization dismantles objectivity as a criterion of reality, now information creates truths, and not vice versa. The humanization of modern society creates the prerequisites for the preferred use of “soft power” as opposed to direct coercion. The article also discusses the socio-psychological features of the psyche and thinking of a person, which facilitate the process of immersing him in the content fabric of mass manipulation. As the basis of this process there’s considered the basic need for security, which manifests itself in certain mental phenomena. Methods of individual opposition to mass manipulations are proposed for consideration.

Keywords: mass manipulation of social behavior, technologies of social manipulation, modern society, postmodern, globalization, informatization, digitalization, virtualization, conformity, need for security, System 1, System 2

For citation: Avdeenko E. V. Transformations of mass manipulation of social and political behavior in modern society. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 1 (78), pp. 141–147. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_141.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

«Манипуляция – это форма властных отношений посредством латентного, высокопрофессионального, технологического управления поведением через формирование в психических структурах человека определенных целей, установок, поведенческих паттернов и ценностей, где индивид учитывается как объект, а не как личность» [1, с. 608]. Манипуляция как скрытое влияние на совершение выбора траектории социального и политического поведения существует столько же, сколько существует человеческое сознание. Цели манипуляции по обеспечению политической власти тоже стабильны. Технологии же манипуляции претерпевают существенные изменения, в первую очередь потому, что манипуляция всегда осуществляется на основе движения информации. Соответственно, технологические скачки в общественно-историческом развитии, открывавшие новые средства передачи информации, создавали возможности для продуцирования новых манипуляционных технологий. Появление письменности, печатного станка, массовое обучение грамоте, радио-, телепередача и, наконец, интернет – всё это позволяло создавать новые технологии массовой манипуляции социальным и политическим поведением индивидов, социальных групп и сообществ.

Благодаря последней на сегодня технологической революции – цифровизации – сформировалась одна из ключевых характеристик современного общества – информатизация. Термины информатизация, компьютеризация и цифровизация в современном социально-философском и маркетингово-экономическом дискурсе сегодня рассматриваются как тождественные. Однако современные исследователи А. П. Алексеев и И. Ю. Алексеева проводят анализ этих понятий в социогуманитарной литературе последних лет и приходят к выводу, что мем цифровизация обобщает смыслы объединения социума в некоем социальном пространстве, реализуемом посредством цифровых носителей: «Следует подчеркнуть, что “цифровизация” как относительно недавно возникший мем не тождественна процессам цифровизации, которые начались с введением в регулярную эксплуатацию электронно-вычислительных машин в середине XX в., а сегодня охватывают едва ли не все сферы общества и человеческой жизни. История цифровизации как история производства и всё более широкого применения быстро прогрессирующих цифровых электронно-вычислительных устройств и технологий насчитывает семь десятилетий. Что же

касается мема «цифровизация», то годом его рождения можно без особых сомнений считать 2016 г. Именно в этом году тема цифровизации стала предметом обсуждения на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Широкую известность приобрели посвященные данной теме выступления Клауса Шваба, основателя и бессменного председателя упомянутого форума» [3, с. 40]. Объем информации в мире постоянно увеличивается, но в последние десятилетия это происходит в геометрической прогрессии. Увеличивается не только объем производимой человеком информации, но и количество информации, которую он обрабатывает в единицу времени. Для примера: «Если сравнивать 1986 и 2007 гг., то выплывает интересная закономерность – в 1986 г. люди принимали каждый день количество информации, что помещалась на полосах 40 печатных изданий. Однако к 2007 г. её объем очень возрос... человек впитывает информацию, что уместается на страницах 174 журналов или газет» [8, с. 60].

В результате информатизации изменился сам подход к работе с информацией. Известная фраза «Кто владеет информацией, тот владеет миром» обязана своим происхождением одной из историй обогащения Ротшильдом. По легенде, они смогли раньше всех получить и использовать истинную информацию об итогах сражения при Ватерлоо, после чего осуществили групповую манипуляцию: дали понять другим представителям банковской сферы, что Наполеон победил, а затем скупили австрийские и немецкие ценные бумаги, подешевевшие ввиду ложной информации о проигрыше этих государств. Оперативный доступ, истинность и эксклюзивность информации были залогом эффективности деятельности её обладателя.

Основная часть

Сегодня ситуация существенно изменилась. Во-первых, высокие скорости передачи информации доступны всему цивилизованному миру. Во-вторых, «вся информация теперь для всех»: да, остаются закрытые данные, но закрытость того, что происходит сегодня в реальном времени, довольно условная. Например, в 2017 г. в результате наблюдения австралийских студентов за активностью пользователей фитнес-трекеров, публикуемых в общем доступе, стала очевидна дислокация военных США в Африке, которые активно их использовали [5]. Но, главное то, что само понятие истинности в обществе постмодерна претерпевает своего рода демонтаж. Информация перестаёт быть предметной и фактологической, становится просто текстом. Ж. Ф. Лиотар: «Упрощая до крайности, мы считаем “постмодерном” недоверие в отношении метанарративов» [10, с. 32]; Ж. Бодрийяр: «Мы пребываем уже не в логике перехода от возможного-виртуального к реальному, но в гиперреалистической логике апотропии реального виртуальным» [4, с. 25]. Реальность перестала быть источником информации и истинности. Теперь информация создаёт реальность и истины: «Мы живём не в мире, о котором у нас есть какая-то информация. Напротив, мы обитаем в мире, созданном информацией» [6].

Идеи об отсутствии объективной реальности не новы. Уже в античности родилась философская доктрина «солипсизм», отрицающая существование объективной реальности окружающего мира. Позднее эта мысль развивалась в Раннем Средневековье Августином Аврелием и Рене Декартом в Новое время: «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую»). Однако в этой доктрине объективностью наделяется субъективная картина мира индивида. А в постмодерне демонтируются понятия истины и объективности какой бы то ни было реальности. В результате виртуализации, цифровизации и информатизации современное общество утрачивает возможность доверять реальности, данной нам в ощущениях, так как восприятие этой реальности продуцируется виртуальными нарративами. Этот процесс находит отражение и в современной культуре: «В чем сила, брат? Сила в правде», а как гласит современная народная мудрость – «Правда у каждого своя».

На трансформацию и особенно актуализацию манипуляционных процессов влияет ещё одна тенденция развития современного общества – гуманизация. Практически вся история человечества, не считая последних ста лет, развивалась в доктрине: «есть порабощаемые, есть поработители, и это нормально». В XIX в. и идеология,

и экономика начали существенно трансформироваться: отмена крепостного права, отмена рабства стали первыми глобальными шагами на пути гуманизации мировой идеологии. Существенным тормозом в процессе гуманизации был и остаётся концепт «врага», который не имеет права и «обесчеловечивается». Однако и этот концепт в наше время постепенно утрачивает абсолютизацию. Социальная гуманизация ведёт к тому, что неприемлемо «назначать врагами» или доступными для порабощения целые нации, народы, касты, сословия, иные масштабные социальные группы. «Врагами» или персонами, заслуживающими порабощения, лишения свободы, смерти или иных наказаний и принуждений, теперь «положено назначать» лишь отдельных индивидов, а массы должны быть свободны и счастливы. Так, например, всякая межгосударственная санкционная политика в современном обществе нацелена на ограничение возможностей конкретных политических деятелей или корпораций, и демонстративно стремится к освобождению от барьеров для лиц, не наделённых властными полномочиями независимо от их национальной принадлежности. В связи с чем актуализируется потребность в манипуляции в контексте ещё одной её ключевой характеристики – «соблазна». Манипуляция не предполагает насильственного и даже просто осознанного принуждения, манипуляция создаёт условия для добровольного исполнения чужой воли, вызывает желание действовать определённым образом. Актуальность потребности управления массовым социальным и политическим поведением никак не изменилась. Однако в силу гуманизации всеобщей идеологии прямое массовое принуждение стало недопустимым, в связи с чем именно манипуляция теперь становится основным инструментом социального управления. Для эффективного управления необходимо создавать социальные иллюзии: во-первых, иллюзию благой цели для всего общества; во-вторых, иллюзию благой цели для каждой конкретной персоны; в-третьих, иллюзию собственного желания каждой конкретной персоны действовать в соответствии с определёнными целями.

В ситуации отсутствия истины эффективность манипуляции не зависит от того, насколько быстро информация передана, насколько истинной она является. Теперь манипулятору важно быть «выбранным, а не владеющим». В связи с чем появляются совершенно новые методики и практики убеждающей коммуникации, проводятся многочисленные исследования когнитивной деятельности в условиях принятия решений.

Одним из современных исследователей в области поведенческой экономики является психолог Даниэль Канеман. Изучая особенности человеческого мышления, он предлагает выделить две мыслительные структуры: Система 1 и Система 2 [9].

Система 1 работает автоматически, не вовлекая в процесс принятия решений сознательные рациональные рассуждения. Фактически она работает в бессознательном даже в то время, когда человек находится в сознании.

Система 2 аккумулирует сознательные, рациональные мыслительные действия. Её работа отличается существенной ресурсоёмкостью: она крайне энергозатратна и требует времени для обработки, анализа информации, принятия решений. Помимо этого, она особенно «дорога в использовании» для организма в связи с тем, что запускает механизмы экзистенциальной ответственности. Во время её работы человек ощущает персональную ответственность за свой выбор и результаты принятого им решения. Такая экзистенциальная ответственность создаёт психическую нагрузку, в связи с чем зачастую воспринимается индивидом как бремя.

В виду экономии ресурсов человеческая психика стремится минимизировать время работы Системы 2. В этом случае Системе 1 становится как бы «удобно» интерпретировать манипуляционные конструкторы.

Помимо экономии ресурсов есть ещё несколько социально-психологических предпосылок, обеспечивающих своего рода готовность индивида стать объектом манипуляции.

В первую очередь это потребность в безопасности. Человек как существо социальное чувствует себя защищённым, становясь частью группы, общности людей.

А для того, чтобы ощущать себя частью группы, человеку необходимо разделять интересы, ценности, цели, задачи и правила поведения этой группы. Соответственно, довольно часто индивиду оказывается важнее стать членом группы и интериоризовать её истины, чем отстаивать какие-то иные смыслы и нормы, оставаясь при этом экзистенциально свободным, тем более что демонтаж истины в постмодерне снижает остроту выбора собственных убеждений. Предмет веры становится менее существенным, чем факт её общности с группой.

Аналогичные основания вызывают конформность личности, которая «является спасительным решением для большинства нормальных индивидов в современном обществе..., индивид перестаёт быть собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть. Исчезает различие между собственным “я” и окружающим миром, а вместе с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием... Отказавшись от собственного “я” и превратившись в робота, подобного миллионам других таких же роботов, человек уже не ощущает одиночества и тревоги. Однако за это приходится платить утратой своей личности» [7, с. 120].

Позволим себе обратить внимание на спорность утверждения об утрате собственной личности в связи с тем, что в абсолютном выражении никакой «своей личности» полностью отдельной от социума как бы и нет. Индивидуальное сознание есть результат интериоризации форм общественного сознания. Сформировавшись таким образом, сознание не перестаёт нуждаться в дескриптивных и прескриптивных конструкциях. «Ещё одна импликация потребности в безопасности – потребность в объяснительных концепциях. Отсутствие знания истины вызывает базовую тревогу, основой которой также является потребность в безопасности. Наличие знания какой бы то ни было истины о сущем и должном формирует ощущение контроля происходящих с тобой событий и снижает тревожность» [2, с. 120]. Человек всегда испытывал потребность в знаниях, а демонтаж истины в постмодерне создаёт условия фрустрации этой потребности. Не получая истины (ввиду её отсутствия), человек нуждается в постоянных доказательствах истинности своих знаний и убеждений. Для этого как нельзя лучше подходят современные манипуляционные конструкции, предлагающие индивиду самый разнообразный набор описаний.

С другой стороны, человеку сложно нести бремя экзистенциальной свободы. Необходимость осуществлять экзистенциальный выбор вызывает экзистенциальную тревогу. Интериоризация манипулятивных конструкций избавляет индивида от экзистенциальной ответственности за свой выбор.

Рассуждая о потребности в безопасности, Абрахам Маслоу пишет: «среднестатистический взрослый представитель нашей культуры стремится к тому, чтобы жить в безопасном, стабильном, организованном, предсказуемом мире, в мире, где действуют раз и навсегда установленные правила и порядки, где исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос» [11, с. 201]. То есть человек нуждается и в прескрипциях. Ощущение безопасности индивида формируется не только благодаря наличию знаний о сущем, но и знаниям о должном. И эту потребность так же успешно помогают удовлетворять манипулятивные конструкции.

Таким образом, с одной стороны, интериоризируя манипуляционные конструкции, индивид решает ряд психологических задач: удовлетворяет потребность в безопасности, избавляется от экзистенциальной тревоги, и всё это при минимализации временных и энергетических затрат.

С другой стороны, устранившись от осознанного совершения экзистенциального выбора, человек сталкивается с риском того, что этот выбор будет сделан не совсем в его пользу. Понятие «пользы» в этом контексте тоже весьма условно, так как чаще всего массовая манипуляция выстроена именно вокруг создания ценности чего бы то ни было и мотивирует двигаться к этому, как к «полезному». Пример массовой манипуляции в фашистской Германии: обществу объяснялось, что предыдущие неудачи немецкого народа связаны с деятельностью евреев, в связи с чем «полезным»

для того немецкого общества будет избавление от них. Печально известно, какой вред нанесла эта манипуляция и немецкому обществу.

Как противостоять манипуляции? Панацеи не существует, но есть несколько факторов, позволяющих снизить риск оказаться жертвой манипуляции: установка на сомнения, «тренированная» Система 2, развитые навыки рефлексии, наличие осознанной цели и стратегии её достижения.

Склонность сомневаться в поступающей информации и отсутствие готовности принимать информацию, не подвергая критическому анализу, снижает риск интериоризации Системой 1 манипулятивных конструкторов.

Для того чтобы Система 2 не стремилась к постоянному отключению ввиду экономии ресурсов, она должна быть «тренированная». Чем чаще человек выполняет когнитивные задачи, тем меньше усилий они начинают требовать. Соответственно, снижается потребность в отключении Системы 2, которая в состоянии более эффективно отсеивать манипуляционный контент и определять степень реальной «полезности» тех или иных действий для индивида.

Развитые навыки рефлексии помогают отсеивать собственные потребности, желания, ценности, от навязанных. Индивид, склонный задаваться вопросами о причинах своих желаний, интересов и поступков, имеет больше шансов отличить естественно возникшие у него паттерны от внедрённых с какой-либо целью.

Ещё один фактор, способствующий защите от манипуляций, – осознание цели и регулярное соотнесение с ней поведенческих актов. Если индивид, реализуя всякое поведение, соотносит его с тем, насколько оно приближает к цели, он автоматически отказывается от поведения, навязанного манипулятором. Прежде чем совершить всякое действие, человек должен осмыслить, зачем?

Выводы

Итак, манипуляция, как скрытое влияние на совершение выбора траектории социального и политического поведения, существует столько же, сколько существует *Homo Sapiens* (человек разумный). Цели манипуляции, связанные с обеспечением политической власти, остаются неизменными. Но технологии манипуляции в процессе развития общества претерпевают существенные изменения. В частности, технологии массовой манипуляции многие века трансформировались ввиду появления новых способов передачи информации, но последний технологический прорыв – цифровизация – в сочетании с постмодернистским демонтажем истины произвёл революцию в развитии массовой манипуляции социальным и политическим поведением. Информация стала общедоступной, но перестала «котироваться» по критерию истинности. Всякий текст не оценивается, как правдивый или реальный, но создаёт правды и реальности. Человеческий индивид склонен принимать эти данности ввиду базовых потребностей в прескрипциях и дескрипциях. Однако, активизируя сознательные мыслительные процессы в угоду собственному целеполаганию, он может противостоять воздействию на него массовых манипуляций.

Список литературы

1. Авдеенко, Е. В. Манипуляция как социальный феномен / Е. В. Авдеенко // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2023. – № 3. – С. 600–610. – doi: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590.
2. Авдеенко, Е. В. Социально-психологические основы манипулятивного процесса / Е. В. Авдеенко // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* – 2023. – № 1 (74). – С. 117–121. – doi: 10.54398/1818510X_2023_1_117.
3. Алексеев, А. П. Цифровизация и когнитивные войны / А. П. Алексеев, И. Ю. Алексеева // *Философия и общество.* – 2021. – № 4 (101). – С. 39–51. – doi: 10.30884/jfio/2021.04.02.
4. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. – Москва : РИПОЛ Классик, 2016. – 224 с.
5. Казарновский, П., Губернаторов, Е. Данные о военных базах США стали доступны благодаря фитнес-трекерам. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/01/2018/5a6e92369a7947613df97252> (дата обращения: 07.09.2023).

6. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
7. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Москва : АСТ, 2017. – 288 с.
8. Hilbert, M. The World's Technological Capacity to Store, Communicate, and Compute Information / M. Hilbert, P. López // *Science*. – 2011. – Vol 332, iss. 6025. – P. 60–65. – doi: 10.1126/science.1200970.
9. Kahneman, D. *Thinking, Fast and Slow* / D. Kahneman. – New York City : Farrar, Straus and Giroux, 2011. – 542 p.
10. Lyotard, J.-F. *La condition postmoderne* / J.-F. Lyotard. – Paris : Les Éditions de Minuit, 1979. – 109 p.
11. Maslow, A. *Motivation and Personality*. Revised by R. Frager, J. Fadiman, C. McReynolds, and R. Cox / A. Maslow. – 3rd ed. – Boston : Longman Publisher, 1987. – 336 p.

References

1. Avdeenko, E. V. Manipulyatsiya kak sotsialnyy fenomen [Manipulation as a social phenomenon]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. 2023, no. 3, pp. 600–610. doi: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590.
2. Avdeenko, E. V. Sotsialno-psikhologicheskie osnovy manipulyativnogo protsessa [Sociopsychological bases of the manipulative process]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 1 (74), pp. 117–121. doi: 10.54398/1818510X_2023_1_117.
3. Alekseev, A. P., Alekseeva, I. Yu. Tsifrovizatsiya i kognitivnye voyny [Digitalization and Cognitive Wars]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2021, no. 4 (101), pp. 39–51. doi: 10.30884/jfio/2021.04.02.
4. Baudrillard, J. *Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo* [The spirit of terrorism. There was no Gulf War] Moscow: Ripol Klassik; 2016, 224 p.
5. Kazarnovskiy, P., Gubernatorov, E. *Dannye o voennykh bazakh SShA stali dostupny blagodarya fitnes-trekeram* [Data on US military bases became available thanks to fitness trackers]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/29/01/2018/5a6e92369a7947613df97252> (accessed: 07.09.2023).
6. Uebster, F. *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow: Aspekt Press; 2004, 400 p.
7. Fromm, E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: AST; 2017, 288 p.
8. Hilbert, M., López, P. The World's Technological Capacity to Store, Communicate, and Compute Information. *Science*. 2011, vol. 332, iss. 6025, pp. 60–65, doi: 10.1126/science.1200970.
9. Kahneman, D. *Thinking, Fast and Slow*. New York City: Farrar, Straus and Giroux; 2011, 542 p.
10. Lyotard, J.-F. *La condition postmoderne*. Paris: Les Éditions de Minuit; 1979, 109 p.
11. Maslow, A. *Motivation and Personality*. Revised by R. Frager, J. Fadiman, C. McReynolds, and R. Cox. 3rd ed. Boston: Longman Publ.; 1987, 336 p.

Информация об авторе

Авдеенко Е. В. – кандидат философских наук.

Information about the author

Avdeenko E. V. – Candidate of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.